

экономическую политику данного народа, не допускает таких рѣзких разрывов. Иначе говоря, объективные экономическіе факторы внутри-государственной — и надгосударственной (международной) жизни связывают во внѣшней политикѣ, как ультра-реакціонная партія, так и радикальная.

С точки зрѣнія той же реальной дѣйствительности нам, національностям б. Россійской Имперіи, трудно базироваться на каком-либо общем принципѣ потому еще, что каждый народ, живущій в предѣлах б. Россійской Имперіи, представляет не равную социальную-политическую и экономическую величину. Как можно было бы ставить на одну доску 25—30 миллионную Украину с 2½ миллионной Грузіей или с любой из остальных народов? Как можно одинаково оцѣнивать экономическую силу громадной плодотворной черноземной полосы Украины с архитектурно-красивыми, но голыми скалами Кавказа, или киргизской и калмыцкой степи?

Политическая непримиримость в національных вопросах может быть чреватой серьезными послѣдствіями. Здѣсь нельзя строить расчет на платоническом взаимном убѣжденіи или уговариваніи. Послѣ слов — бывают дѣйствія. А результаты дѣйствій всегда бывают не в пользу побѣжденнаго.

Но независимо от всѣх вышележащих соображеній — формула независимости и равноправія сторон — является формулой ложной с точки зрѣнія факта жизни. Если самая крайняя в національном вопросѣ большевицкая партія не только отвергла ее, но и установила фактически и формально иной порядок вещей, если в настоящее время народы Россіи занимают зависимое положеніе, то как можно именно в этом вопросѣ, заранее зная, что всѣ прочія партіи в этом отношеніи пойдут по слѣдам тѣх же большевиков, — исходить из несуществующаго положенія? Формула равноправія сторон содержит еще больше внутренней фальши. Конечно же, ни одна из народностей Россіи при сговорѣ с Россіей психологически не будет чувствовать себя равнозначущей в особенности при обсужденіи такого вопроса, который в конечном результатѣ будет разрѣшаться силой!

В національном вопросѣ гораздо цѣлесообразнѣе и правильнѣе было бы исходить из существующей формальной связи между народностями с одной стороны и Россіей — с другой. Разговоры должны быть направлены в ту сторону, чтобы существующим нынѣ формам влить содержаніе. В этом, по нашему мнѣнію, заключается «скромная синица» наших дней. Быть может, нѣкоторым республикам цѣлесообразнѣе было бы отказаться от высоких титулов и свою национальную жизнь построить на принципѣ широкой автономіи и дѣйствительнаго уваженія к своей религіи, культурѣ и языку, развивая их по мѣрѣ своих индивидуальнаго национальных сил и возможностей.

Простое благоразуміе и интересы обѣих сторон говорят за то, что в этих предѣлах определенное взаимоотношеніе между русским народом с одной стороны и народностями Россіи с другой — наладится и принесет плоды и той

и другой сторонѣ. Переносить весь накопившійся в наших сердцах одіум к ушедшему в вѣчность строю — на русский народ и его демократію едва ли было бы справедливо.

Не меньше чѣм мы сам русский народ испытал роковыя послѣдствія прошлаго режима. Поэтому, надо полагать, что он не станет повторять политических ошибок прошлаго строя.

Нам думается, что широта перспективы для каждой из народностей Россіи отърывается при одном условіи — нахожденіи его на допѣ Единой Россійской государственности, позволяющей нам всем черпать обильными горстями все то богатство, что дремлет и лежит еще нетронутым в богатых нѣдрах Россіи Европы и Азии!

По нашему глубокому убѣжденію не от максимума требованій нам надлежит исходить в расчетѣ на взаимные уступки, а принципом максимума взаимных уступок, чтобы скорѣе сговориться. Этот путь нам, народностям, скорѣе обезпечит мнѣніе страны в сторону наилучшаго разрѣшенія наших жизненных вопросов.

Санджи Баянов.

Ржевнице, Чехословакія.

Наран Эренцынович Уланов.

В настоящій момент, когда калмыцкими общественными работниками не только ясно поставлен вопрос о национально-культурном и политическом возрожденіи Калмыцкаго народа и проводится идея о таком возрожденіи, но уже они осуществляются в жизнь, является своевременным и справедливым вспомнить о том калмыцком дѣятелѣ, который в болѣе трудное время явился предтечей освободительной национальной калмыцкой мысли и апостолом широкаго просвѣщенія Калмыцкаго народа.

Таким калмыцким дѣятелем явился покойный есаул Войска Донскаго Наран Эренцынович Уланов.

Отец его был простой калмык-казак 3-ей Сотни Средняго Улуса Сальскаго округа Области Войска Донскаго Эренцын Уланов. 3-я Сотня позже была переименована в хутор Хурульный Кутейниковской станицы, а затѣм и в Ново-Алексѣевскую. До 1887 года Эренцын Уланов еще служил табунщиком у князя Меншикова на Задонских степях, но с этого года он переселился в свою родную станицу на самостоятельную жизнь. К этому времени большая часть его родственников жила в своей станицѣ. Среди них пользовался всеобщим уваженіем и широкой извѣстностью за свой выдающийся ум, энергію и краснорѣчіе Стоян Балинов. Упоминаем об этом обстоятельстве потому, что он играл большую роль в судьбѣ Нарана Уланова.

Стоян Балинов умер в своей станицѣ в 1899 г. 60 лѣтъ от роду...

Наран Эренцынович Уланов пользовался широкой извѣстностью и популярностью не только среди калмыков, но одноплеменных бурят и был извѣстен даже в Монголіи и Тибетѣ.

По условіям эмигрантской жизни и работы мы лишены важнѣйших матеріалов и источников для полнаго освѣщенія дѣятельности и біографіи покойнаго Нарана Эренцыновича и нам невольно придется ограничиться лишь бѣглою замѣткой о нем. Да, простит нас за это его свѣтлая память. Мы вѣрим, что настанет время, когда при лучших и счастливых условіях нам удастся возстановить основательно образ Н. Э. и дать полный обзор его дѣятельности.

Но в настоящій момент мы чувствуем нагрѣвную потребность хоть в нѣкоторой степени возстановить перед калмыцкой общественностью образ покойнаго Н. Э. Уланова и напомнить о его жизнедѣятельности, ибо от неумолимаго хода времени и катастрофических обстоятельств нашей жизни явилась опасность постепеннаго его забвенія, а нарождающейся молодой калмыцкой интеллигенціи не знать своего славнаго предшественника по приобщенію к высшей человѣческой духовно-моральной культурѣ и служенію своему родному народу.

К чести того поколѣнія калмыцкой интеллигенціи, к которому принадлежал покойный Н. Э., слѣдует сказать, что оно без исключенія было проникнуто мыслью и желаніем принести посильную пользу своему народу. Но дѣйствительность не давала удовлетворенія ни серьезной духовной потребности, ни стремленію к серьезной общественной дѣятельности. Из всѣх своих современников достигнуть сравнительно виднаго положенія, реально поработать по улучшенію быта, содѣйствію просвѣщенія своего народа и получить высшее образованіе, несмотря на свою недолгую жизнь, сѣумѣл лишь Наран Эренцынович Уланов.

Сын табунщика и сам в молодости табунщик, укротитель неуков (диких лошадей), Наран Уланов начал свое первоначальное образованіе только в 17 лѣтъ у нѣкаго грамотея Давилы, крестьянина села «Сусу-Крученое», находящагося на границѣ Донской Области и Ставропольской губерніи смежно с Задонскими степями.

Эренцын Уланов пытался дать образованіе всѣм своим четырем сынам, но болѣе удачливыми в этом отношеніи оказались старшій — Наран и младшій — Цеден. Послѣдній стал буддійским монахом-священником.

Постоянной чертой характера Нарана Уланова была неутомимая жажда образованія и постоянное устремленіе к какому то большому міру и неизслѣдованным далям.

Естественно «премудрость» Давилы из «Сусу-Крученое» не могла удовлетворить духовную жажду молодого Нарана. Он рѣшил продолжать свое образованіе. Это было около 1886—87 годов. К этому времени он уже был женат. Ближайшая «высшая» школа, по представленію калмыцкаго общества того времени, находилась в 150-ти верстах от мѣстожительства Н. Уланова, именно в слободѣ Ильинка на Салу. Школа эта — альма матер — (добрая мать) всѣх самых образованных калмыков того времени равнялась позднѣйшим высшим начальным школам. Эта школа была и той «академіей», которая выпускала калмыцких учителей.

В этой школѣ, между прочим, довольно хорошо было поставлено преподаваніе калмыцкой грамоты и основ буддійскаго вѣроученія. Лучшіе и хорошіе знатоки своей калмыцкой грамоты в калмыцкой степи были воспитанниками этой школы. К сожалѣнію ни одна из послѣдующих школ, гдѣ учились калмыки, не давала такого знанія калмыцкаго языка и письма. А в настоящее время, по сообщеніям из Родины, и вовсе выброшено преподаваніе своего роднаго письма в калмыцких школах. Какая иронія судьбы: самоопредѣленіе Калмыцкаго народа и добровольное выбрабываніе своего роднаго письма в своей калмыцкой школѣ!?

По пустынным степям Задонским можно было одиноким и осторожно прокрадывающимся путникам видѣть каждой осенью и лѣтом три года под-ряд то верхом, то пѣшком юношу Нарана Уланова. Отмѣряя так версты на пути в школу, однажды он от жажды прыгнул в колодезь, бывшій в степи, оказавшійся к счастью не столь глубоким. Но выскочить оттуда без посторонней помощи оказалось все-таки невозможным. Наран стал кричать. Случайно проѣзжавшій калмык вытянул его чумбуром.

Учился Наран отлично. За свою отзывчивость, мягкій характер и рѣдкую обходительность он пользовался большим уваженіем и рѣдкой симпатіей не только в школѣ, но среди всѣх его знавших. Между прочим, не будучи обязанным, Наран прекрасно прошел курс Закона Божьяго и получил особую награду. Евангеліе во всю жизнь было любимой книгой Н. Э. и постоянным его спутником.

По окончаніи школы в Ильинкѣ перед Нараном стал вопрос: ограничившись этой школой, идти в народные учителя в калмыцкую школу или направить свои стопы в Новочеркасск в Юнкерское училище. По наивному представленію многих из окружающаго Нарана общества и в частности на совѣтѣ родственников казалось, что карьера народнаго учителя верх благополучія и карьеры: видное положеніе, матеріальное обезпеченіе (15 руб. в мѣсяц).

Но тяга к дальнѣйшему образованію и к какому то невѣдомому и заманчивому міру непреодолимо тянули Н. Уланова в Новочеркасск. Он рѣшил направиться сюда. С ним согласился и отец его Эренцын. Одобрил и Стоян Балинов, мнѣніем коего дорожил Наран. На дальнѣйшее образованіе своему молодому родственнику Стоян подарил пару быков. Продав эту пару волов и одну отцовскую корову, двинулся Наран в Новочеркасск. Это было в концѣ восьмидесятых годов.

Послѣ соотвѣствующих экзаменов Наран поступил в Юнкерское училище. Через два года оно было окончено. К этому времени у Нарана Эренцыновича было уже двое дѣтей. Окончаніе Юнкерскаго училища, чин Под-хорунжаго, конечно, были большим событіем и в семейной жизни Н. Уланова, как и во всем обществѣ, к которому он принадлежал. И Юнкерское училище и офицерскій чин в представленіи казаков того времени вообще, а калмыков в частности, были окружены большим ореолом.

Естественно Н. Э. уже занял «высокое» и блестящее положеніе в калмыцком обществѣ.

Неудивительно, что приехавшему немного позже в чинъ хорунжаго Н. Уланову были отданы почти божескія почести. Правда, в силу своего привлекательнаго характера, высокаго полета мыслей и благожелательнаго настроенія к людям и в особенности к судьбѣ своего народа Н. Э. всегда и неизмѣнно пользовался рѣдкой симпатіей калмыков и в особенности калмыцкаго духовенства. Симпатія послѣдняго к Н. Э. питалась постоянным интересом к буддизму, буддѣйским религіозным настроеніям его. Но духовные интересы Н. Э. были шире буддизма, хотя глубокий интерес к послѣднему был постоянной чертой покойнаго. Нам приходилось упомянуть об интересѣ Н. Э. к христіанству. Нисколько не ограничиваясь интересом к религіям вообще, у Н. Э. рано пробудился интерес к философіи, исторіи культуры, литературѣ, востоку, в частности к исторіи монголов, калмыков.

Очень любил Н. Э. музыку, сам он играл на скрипкѣ и всегда привозил в станицу какой-нибудь «дикий» музыкальный ящик. Когда появились грамофоны, фонографы и т. п. вещи (это уже относится, конечно, к позднѣйшему періоду жизни Н. Э.) он был первым из калмыков, который успѣшил познакомить своих собратьев с таким «чудом».

По окончаніи Юнкерскаго училища Н. Э. командировался в 9-й Донской казачій полк в город Янов. Здѣсь же он служил и послѣ первой льготы. Жалованье 25 руб. в мѣсяц. Оно почти цѣликом шло на приобрѣтеніе книг. Сидѣть на режимѣ хлѣба и воды было не рѣдкостью для хорунжаго Уланова. В 1892 или 93 г. Н. Э. завел переписку с знаменитым Сумангалским Ламой на о. Цейлонѣ по буддизму. Этот Лама был б. англійскій полковник мистер Олькот, принявшій буддизм и монашество и достигшій высшаго сана.

У покойнаго Н. Э. были записи прочитанных книг, замѣчанія по поводу прочитаннаго. Всѣ эти матеріалы погибли при большевиках. Но можем сказать, что вся духовная жизнь, да и вообще вся жизнь хорунжаго Уланова, исключая чисто обязательных военных занятій, была необычайна для молодого офицера. Он не танцевал, не курил и был крайне сдержанным и совершенно трезвым человѣком.

Над головой молодого офицера витала, как сладкая мечта, мысль продолжить свое образованіе в тѣх удивительных центрах россійской жизни, гдѣ царствует Наука, гдѣ творится судьба великой страны. Получить высшее образованіе, занять какое то авторитетное положеніе и... затѣм ринуться улучшать жизнь своего роднаго народа, поднять его авторитет, благосостояніе, распространить в нем просвѣщеніе... Но это только мечта: Наран Уланов был только бѣдным хорунжим. Однако и мысли и мечта о дальнѣйшем образованіи, о работѣ для своего народа никогда его не покидают.

В 1894 г. Н. Э. командировался на службу в г. Юзовку Екат. губ. Здѣсь он послужил мало, т. к. его станица возбудила перед начальством ходатайство о разрѣшеніи ему занять пост Станичнаго Атамана, на каковую должность он был избран Станицей. Просимое разрѣшеніе

дано и Н. Э. 27 лѣтъ от роду в чинѣ Сотника становится Станичным Атаманом. На этом посту, работая со всѣм своим пылом, он пробыл 4½ года. Значительное улучшение бывших школ, открытіе новых, обзаведеніе впервые среди калмыков больших садов, энергичное внѣшнее благоустройство Станицы и хуторов, закладка новых буддѣйских храмов и значительное благоустройство хурулов, содѣйствіе образованію и дисциплинѣ калмыцкаго духовенства, устройство мостов, прудов, улучшение медицинской помощи и т. д.

Не было области жизни, гдѣ не было совѣта и указанія, помощи образованнаго и авторитетнаго Станичнаго Атамана. Но и эта кипучая общественная, административная и культурная работа по своему масштабу не могла его удовлетворить.

Пріѣзд в 1898 г. в калмыцкія степи воен. министра ген. Куропаткина дала возможность Н. Э. выступить перед Министром по полномочию всего Калмыцкаго народа на Дону. В выступленіи подьесаула Уланова заключалось немало, что шло в разрѣз мнѣнію военнаго министра. Смѣлость Представителя Калмыцкаго народа вызвала значительное удивленіе многих, начиная с мѣстнаго начальства.

Неудовлетвореніе своей работой и офицерское званіе вызвали необходимость Н. Э. послѣ четырех слишком лѣтняго перерыва снова идти на военную службу. В 1899 г. Н. Э. командировался в 1-й Донской казачій полк в Москву. Но Н. Э. остался здѣсь недолго.

Пріѣзд посольства от Далай-Ламы в лицѣ знаменитаго буддѣйскаго дѣятеля Цанид-Хамбо Агуан Дорджіева призвал Н. Э. в качествѣ переводчика к покойному Императору. Высшее начальство оцѣнило способности, знаніе востока подьесаула Уланова. В 1900 году он командировался в Петербург в Офицерскую кавалерійскую школу, а по окончаніи ея согласно Высочайшаго повелѣнія Н. Э. принят вольнослушателем в Николаевскую Академію Ген. Штаба.

Это было в 1901 году. Мечта Н. Э. быть в Петербургѣ в высшей школѣ осуществилась.

Он также завязал прочныя связи с академическими кругами, особенно востоковѣдами, с Управленіем всѣх казачьих войск, гдѣ рѣшалась участь и нашего народа. В это время в силу руссификаторской политики Правительства шло давленіе на организацию Калмыцкаго буддѣйскаго духовенства на Дону. Калмыцкій народ на Дону был лишен права имѣть своего духовно-религіознаго главы — этого единственнаго представителя народа в цѣлом и единственнаго его заступника.

Нужно было всѣм калмыкам крѣпко стать на защиту своего попираемаго права.

Естественно Н. Э. и стал на его защиту. Помимо всевозможных официальных шагов, им была специально написана брошюра «Калмыцкое духовенство и современное положеніе Калмыцкаго народа на Дону». Брошюра эта имѣла большое вліяніе на ход дѣла. Книжка эта интересна тѣм, что была первым печатным трудом в защиту калмыцкаго права, написанная автором-калмыком. Одновременно с этим Н. Э. была написана большая статья в одну из петербург-

ских газет. Кампанія, поднятая покойным, кончилась блестящим успѣхом. Калмыцкій народ добился желаемого права.

Занятія в Академіи шли своим чередом.

В концѣ 1903 года состоялось в военном министерствѣ опредѣленіе о командировкѣ Н. Э. в Тибет.

Русскіе читатели об этой командировкѣ знают из дневника покойнаго Императора Николая II и записок б. воен. мин-ра ген. Куропаткина. Мечта бѣднаго молодого калмыка хорунжаго о блестящих, сказочных даях, о широких, больших мірах осуществлялась. Грамотей Данила из «Сусу-Крученое» и Академія генеральнаго штаба, слобода Ильинка и Петербург, Янов, Кутейшиковская станица и далекое сказочное путешествіе в таинственный Тибет к самому «божественному» Далай Ламѣ — какая фантазія могла быть ярче открывающейся дѣйствительности.

Неутолимая жажда знанія покойнаго и потребность в большом дѣлѣ, перспектива, наконец, с значительных, м. б., высот послужить благу и возрожденію своего народа — все улыбалось Н. Э. По политическим мотивам обязанный формально выйти в отставку, уже в чинѣ отставнаго есаула Войска Донского в январѣ 1904 года в сопровожденіи Бакши Эркетинской станицы Ульянова, гелюна Бадмы Ушанова и казаков Илюмджи Асанова и Лиджи Шаропова двинулся Наран Эренцынович Уланов из своего роднаго хутора Хурульнаго Кутейниковской станицы (этот хутор Хурульный через два года был переименован в станицу Ново-Алексѣевскую) со станціи Зимовники по направленію через Кавказ и Каспійское море (через Петровск) на далекій путь.

Благополучно переплыв Каспійское море, Н. Э. со своими спутниками направились через Ташкент, Вѣрный в Центральную Азію. Зимой перешли Алтайскія горы при весьма тяжелых условіях. Но движеніе было энергичное.

Вот наша древняя Родина—Джунгарія. Уже завязана связь с Карашарским Ханом калмыков-торгутов. Уже непосредственно ступили на далекій, отвѣтственный путь.

— «Далѣе, далѣе, скорѣе вперед» — торопит Н. Э.

Но.. судьба распорядилась иначе. Наша древняя колыбель приготовила выдающемуся потомку своих дѣтей смерть.

Видимо, простудившись при переходѣ через свѣжыя вершины гор, Н. Э. заболѣл.

На огромном пространствѣ кругом — степь, пустыня. Одинокая кибитка. Карашарскіе калмыки, опасаясь заразы, укочевали. Бакша Ульянов медик по тибетской медицинѣ, называл болѣзнь Н. Э. «шара халуи» («желтая горячка»). Дѣйствительно тѣло больного стало желтое, как золото. Открылось из носу и рта кровотеченіе...

Пришло 27-е апрѣля ст. ст. 1904 года. Больной лежал на кое-как сколоченном ложкѣ: его руки покоились на руках его шурина Илюмджи Дертиновича Асанова. Силы Н. Э. таяли. Уста его шептали имена, еще можно было разобрать имя его дочки Д., но прочее разобрать было невозможно.

Роковой момент приближался. Н. Э. угасал. Он слабо поцѣловал руку Илюмджи. Еще одно послѣднее бѣненіе сердца, послѣдній вздох и... Нарана Эренцыновича не стало...

В вѣчность отошла его свѣтлая, красивая душа, всегда и неизмѣнно полная любви к своему народу, Истинѣ и Справедливости.

За неизмѣним желѣзных лопат, кирок могилу вырыли металлическими тарелками. Из мелких камней соорудили памятник-холм. Кое-как изобразили имя, фамилію и дату его кончины. Была надежда, что нѣкогда придут сюда тѣ, кому дорог покойный и воздвигнут достойный памятник лучшему сыну Калмыцкаго народа на Дону.

Теперь не осталось в живых и Бакши Ульянова, и Лиджи Шаропова и Илюмджи Асанова, а жив ли б. спутник их гелюи (позже Бакша) Бадма Ушанов — не знаем.

...Так, далеко от Родины на древних кочевьях Калмыцкаго Народа — Джунгаріи во владѣніях потомка Овше-Хана на территоріи Карашарских торгутов на порогѣ большой работы и блестящей карьеры 27 апрѣля (10 мая) 1904 года оборвалась жизнь Нарана Эренцыновича Уланова.

Его кончина была огромным событіем для Донских калмыков: не было калмыка, кто не знал бы его и не оплакивал бы со слезами его смерть.

Неизмѣнная любовь к своему народу и неустанная мысль о его возрожденіи, постоянная работа по защитѣ его прав и интересов, неутомимая жажда знанія и устремленія понять вѣчныя проблемы человѣческаго духа и морали — вот духовно-моральное содержаніе Нарана Эренцыновича Уланова.

Он дѣтям своим оставил завѣт:

— Пусть мой образ послужит символом неустаннаго устремленія к Истинѣ, Добру и Справедливости.

Но этот завѣт останется везыблемым завѣтом каждаго мыслящаго калмыка.

Наран Эренцынович умер. Увы.. Ему было всего 38 лѣт. Но он с гордостью мог бы сказать, что не бесплодна и напрасна была его краткая жизнь.

Его идеи, его завѣт стали лозунгом и знаменем молодой и развивающейся калмыцкой интеллигенціи и калмыцких общественных работников...

Шютэн Дагсан.

Калмыкам.

Я вас люблю, потомки Чингис-Хана, —
Моей земли родных и преданных сынов.
В моей душѣ поет качанье каравана,
И тихій мир станиц, и ржанье табунов.
В вас мило все: и этот говор странный,
И ваших узких глаз загадочный разрѣз,
И этих лиц загар благоуханный,
Спаденный лаской утраченных небес.